

С. Н. ГУКОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТРАКТАТА ПЛИФОНА

Последние десятилетия существования Византийской империи, расчлененной, раздираемой социальными противоречиями и междоусобицами, были одновременно периодом расцвета интеллектуальной жизни, в центре которой возвышается фигура Георгия Гемиста Плифона (1360—1452). О жизни этого философа известно мало. Родился он в Константинополе, там же получил образование. По настоянию духовенства был удален императором из столицы и переселился в Мистру, которую, за исключением его выезда в Италию на Флорентийский собор, не покидал до самой смерти. Там он написал свой антихристианский трактат «Законы», а также сочинения по истории, географии, астрономии, метрике, музыке, представляющие собой большей частью компиляции¹.

Основу плифоновского творчества составляла греческая культура, античная по своему содержанию, но в своеобразном преломлении византийской действительности XV в. Плифон представляет собой необычайное историческое явление, порожденное критическим состоянием византийского общества, находившегося перед угрозой полного исчезновения². Образованность, широкий круг интересов, универсализм, присущие гуманистам, были свойственны и Плифону, и яркое свидетельство тому — его географический трактат, представляющий образец космографических знаний образованного византийца XV в.

Влияние гуманизма на развитие географических идей еще нельзя считать изученным с достаточной полнотой. Однако несомненно, что труды античных географов стали для гуманистов предметом особого внимания³.

Трактат под названием «Из географических книг о Земле и форме ойкумены» (Ἐκ τῶν γεωγραφικῶν βιβλίων περὶ τῆς γῆς καὶ τῆς οἰκουμένης σχημάτων) состоит из пяти разделов и является преимущественно компиляцией из сочинений Страбона и Птолемея⁴. Однако второй его раздел, называемый «Исправление некоторых неверных утверждений Страбона» (Διόρθωσις ἐνίων τῶν οὐκ ὀρθῶς ὑπὸ Στράβωνος λεγομένων), заслуживает особого внимания, так как здесь мы имеем дело с оригинальным творчеством Плифона, и его можно рассматривать как самостоятельное сочинение. Этот раздел был опубликован А. Диллером по рукописи Marc. gr. 379, лл. 12—15 об.⁵ Издатель счел ее безупречной и привел текст в неизменном виде. В то время он еще не знал, что имеет дело с автографом Плифона. Последнее было

¹ См.: *Медведев И. П.* Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 99.

² *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976, с. 44.

³ *Янунский В. К.* Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV—XVIII вв. М., 1965, с. 61.

⁴ *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, I. Bd., S. 510—511.

⁵ *Diller A.* Geographical Treatise by Georgius Gemistos Pletho. — *Isis*, 1937, 75, p. 441—451.

установлено несколько позже Р. и Ф. Мазэ и самим Диллером⁶. Отметим со своей стороны, что одна из рукописей трактата, писцом которой был выдающийся греческий каллиграф XVI столетия Ангелос Вергикос, хранится в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина (греч. 150)⁷.

В этой части своего трактата Плифон поднимает очень важный для образованного читателя раннего Возрождения вопрос о пределах ойкумены, о пределах познанного обитаемого мира. Эта проблема была одной из основных и в античной географии и истории⁸. Научные знания по географии в византийском мире были достаточно ограничены, и бесспорной заслугой Плифона является научный подход к решению этого вопроса. В отличие от западноевропейской географии, где в значительной мере были утеряны знания, свойственные классической античности, Плифон опирается на античные традиции. Исходя из представления о сферической форме Земли⁹, он использует надежные для своего времени источники, делает свободные предположения, лишенные суеверия и разного рода небылиц, которыми изобилует античная и средневековая географическая литература.

До сих пор трудно решить вопрос об источниках этой части трактата, несмотря на то что некоторые из них Плифон называет сам. В первых главах он исправляет сведения Страбона о Каспийском море, которое тот считал заливом океана; тропическую зону Плифон в отличие от своего предшественника представляет обитаемой; наконец, Нил, по его мнению, не является границей между Азией и Африкой. Все эти сведения, бесспорно, основаны на «Географии» Птолемея (*Ptol.*, II, 1, 5), имя которого Плифон называет позже (в гл. 7).

При описании северо-западных границ ойкумены Плифон также указывает свой источник. Он пишет: «Показал нам Павел Флорентиец, человек достойный во многих отношениях, карту, которую, как он говорит, получил от человека из датчан». Эту новую информацию автор получил уже из современных ему источников. Павлом Флорентийцем Плифон называет известного итальянского географа Паоло Тосканелли (1397—1482), автора известной «*Carta navigationis*», к сожалению не дошедшей до нас¹⁰, с которым он встречался на соборе во Флоренции в 1439 г. Датчанином, снабдившим Тосканелли картой, был, как полагает Диллер, Клавдий Клав, написавший трактат по географии своей родной страны, основываясь на Птолемея, но совершенно переделав карту Скандинавии¹¹. Свои предположения Диллер убедительно подтверждает сравнением плифонового описания с данными трактата Клавдия Клава и его картой, которая сохранилась в атласе картографа Николая Германца, работавшего во Флоренции в 1465—1470 гг.

В упомянутой выше Московской рукописи трактата Плифона среди его источников наряду со Страбоном и Птолемея назван Помпоний

⁶ *Masai R. et F. L'oeuvre de Georges Gémiste Pléthon.* — Bulletin de l'Académie royale de Belgique, Classe des Lettres, 1954, 6, p. 545; *Diller A. The Autographs of Georgius Gemistus Pletho.* — Scriptorium, 1956, X, p. 32—34; *Sbordone F. Excerpta ed epitomi della Geografia di Strabone.* — Atti del VIII Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma, 1953, I, p. 202—206.

⁷ См.: *Фонкич В. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения.* — ВВ, 1965, 26, с. 269.

⁸ *Дитмар А. Б. Рубежи ойкумены.* М., 1973, с. 6.

⁹ См., например: *Brincken A.-D. Mappa mundi und Chorographia. Studien zur imago mundi des abendländischen Mittelalters.* — Deutschen Archiv für Erforschung des Mittelalters, 1968, 24. Jahrgang, H. 1, S. 118—136.

¹⁰ В конце XIX в. ее пытался восстановить Вагнер, считавший, что она является древнейшей попыткой построить морскую карту с градусной сеткой. См.: *Яцунский В. К.* Указ. соч., с. 62. По вопросу о представлениях итальянцев эпохи Ренессанса о северо-западных странах см. также: *Cardini F. Mito del Nord e conoscenza del Setentrione in alcune fonti fiorentine del Trecento.* — In: *Italianistica Scandinava.* Turcu, 1976, p. 183—192; *Luigi de Anna.* Il clima scandinavo come componente del mito del Nord. — *Ibid.*, p. 193—222.

¹¹ *Björnbo, Petersen.* Der Däne Claudius Claussøn Swart (Claudius Clavus), der älteste Kartograph des Nordens, der erste Ptolemäusepigon der Renaissance. Innsbruck, 1909.

Мела ¹², автор «Хорографии», написанной в 43 г. Это одно из самых ранних чисто географических сочинений в латинской литературе ¹³. Мела первым из дошедших до нас латинских авторов описывает огромный Каданский залив (Северное море) с его многочисленными островами ¹⁴. При описании Британии и Ирландии он использует данные Цезаря, уточняя некоторые положения Страбона (*Mela*, III, 53, 54). Несмотря на то что его сведения о Северной Европе во многом перекликаются с описанием Плифона, последний, видимо, опирался все-таки на новые данные Клавдия Клава, карту которого он называет среди своих источников. Сочинение Помпония Мелы, возможно, было использовано им в других частях трактата.

В 1438—1439 гг. в страны Северной Европы совершил свое путешествие византиец Ласкарис Канан, оставивший описание северного побережья Европы — Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Исландии ¹⁵. Но его сочинение осталось, видимо, неизвестно Плифону, во всяком случае в период написания трактата.

Наибольшие трудности в идентификации источников трактата Плифона вызывает шестая глава, где речь идет о России. Плифон считает побережье Белого моря (*Ψυχρά θάλαττα*) северной границей обитаемого мира: «Живет вокруг этого залива, там, где он пригоден для жилья, бедный народ, называемый пермиями и промысляющий только охотой. Здесь же, восточнее и немного южнее, как мы узнали, есть и другие бедные народы: с одной стороны, так называемые мордивы, с другой — месторы, которые кормятся рыбой, многочисленной в озерах, вокруг которых они обитают, и из которых река Рас (Волга), впадающая в Каспийское море, течет на восток. . . И они, конечно, — самые северные народы, живущие в холодной зоне» ¹⁶.

Мордивы — это, определенно, мордвины, жители Мордии, упоминание о которой мы можем найти в сочинении Константина Порфирородного «Об управлении империей»: «Патзинакия находится в пяти днях пути от Узии и Хазарии, от Алании — в шести днях, от Мордии — в десяти днях пути» ¹⁷. Месторы, как полагает Э. Хонигманн, — третье финское племя *Meščeren* (*Meščerjaken*), которое когда-то обитало среди мордвинов, а теперь живет на территории Башкирии ¹⁸. Пермяки же, под которыми следует понимать зырян (собственное название коми), также были одним из финно-угорских народов, населявших северные области России. Уже в IX в. зыряне, следуя по течению Печоры, Вычегды и Северной Двины, достигли районов близ Белого моря.

Древняя Пермь, столицей которой была нынешняя Чердынь, достигла своего расцвета благодаря прибыльной торговле мехами, которая способствовала установлению торговых связей не только с Западной Европой, но и с арабским миром. Упоминание о Перми («Биармия») встречается и в скандинавских сагах. В западноевропейской литературе первое упо-

¹² Надпись сделана на французском языке значительно позднее написания рукописи; см.: ГБЛ, греч. 150, л. 2.

¹³ В настоящее время известна единственная рукопись этого сочинения — Vat. lat. 4929 (IX в.), от которой происходит множество *recensiores* и тем самым *deteriores*, полезных только из-за некоторых конъектур; см.: *Parroni P.* Il contributo dei codici umanistici al testo di Pomponio Mela. — *Rivista di filologia e di istruzione classica*, 1979, vol. 107, fasc. 2, p. 157—178; *Idem.* Per il testo e l'esegesi della *chronographia* di Pomponio Mela. — *Ibid.*, 1975, vol. 103, p. 163 sgg.

¹⁴ *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953, с. 334, 337.

¹⁵ *Васильев А. А.* Ласкаръ Канан, византийский путешественник XV в. по Северной Европе и в Исландию. Харьков, 1914; *Piltz E.* Les pays du Nord et Byzance. — *Akten des XVI. Internationalen Byzantinistenkongresses.* Wien, 1981, Bd. I (Beiheft) (3.1).

¹⁶ *Diller A.* *Geographical Treatise.* . . , p. 444.

¹⁷ *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio/ Ed. by Gy. Moravcsik and R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 168.45—47.

¹⁸ *Diller A.* *Geographical Treatise.* . . , p. 449.

минание о Биармии принадлежит норманнскому зверобою Отеру (IX в.), находившемуся на службе у короля Альфреда Великого¹⁹. Последние плавания в Биармию предприняли норвежцы в XIII в. Новгородцы, став хозяевами богатых пушных промыслов, всячески препятствовали плаваниям по следам Отера. Лишь в середине XVI в. англичанин Ричард Ченслер случайно попал на верный путь к устью Северной Двины²⁰. В 1472 г. Пермь была окончательно включена в состав Московского государства²¹.

Упоминание о пермяках встречается и у Лаоника Халкокондила, ученика Плифона, у которого мы читаем: «Пермяки населяют область к северу от русских, они являются соседями, и русские говорят на том же языке, что и пермяки. О пермяках говорят, что они являются племенем, которое большую часть средств к существованию добывает охотой»²². По всей вероятности, как и полагает Моравчик, либо Халкокондил почерпнул сведения о пермяках у своего учителя, либо они использовали один и тот же источник²³, хотя в сочинении Плифона нет имеющегося у Халкокондила указания, что пермяки и русские говорят на одном языке²⁴. Источником Плифона, по мнению Моравчика, мог быть также монах из Вероны, который в 1447 г. был в России и которого цитирует Эней Сильвий Пикколомини²⁵.

Исследования карт этого периода показывают, что упомянутые названия (Северная Двина, Белое море, мордвы, месторы) были неизвестны в Италии во время пребывания там Плифона, нет их и в византийской литературе. Лишь Мордия и Пермия встречаются у византийских анналистов²⁶.

Несмотря на то что отдельные этнонимы могли быть известны Плифону от его византийских предшественников, в целом этот фрагмент восходит, вероятно, к какому-то другому источнику, полученному от Тосканелли.

Для того чтобы решить вопрос, какую информацию мог иметь Тосканелли относительно России, следует подробнее остановиться на отношениях между представителями гуманистической культуры, среди которых прежде всего нужно упомянуть Виссариона Никейского и Исидора, митрополита Киевского, активных деятелей Флорентийского собора.

Виссарион, получивший образование в Константинополе, в течение нескольких лет до собора был участником кружка Плифона в Мистре, поддерживал знакомство и с итальянскими гуманистами²⁷. Будучи покровителем и воспитателем Софьи Палеолог во время ее пребывания в Риме, он вместе с Исидором, хорошо знакомым с обычаями русского двора, принимал самое активное участие в устройстве ее брака с московским царем Иваном III²⁸.

Мы не располагаем точными сведениями о происхождении Исидора. В 1434 г. он был настоятелем монастыря св. Димитрия в Константинополе²⁹. Человек далеко не заурядный, он был избран митрополитом Киев-

¹⁹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. 1914, т. V, с. 131—133.

²⁰ Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961, т. II, с. 222.

²¹ Лебедев Д. М. Очерки по истории географии в России в XV—XVII вв. М., 1956, с. 76.

²² Диттен Г. Известия Лаоника Халкокондила о России. — ВВ, 1962, 21, с. 75.

²³ Moravcsik Gy. A bizánci Pletho a finnugor népekről. — Magyar Nyelvival, 1945, 41, p. 69.

²⁴ Ditten H. Der byzantinische Historiker Laonicus Chalkokondilus über die slawischen und baltischen Völker Osteuropas. — Zeitschrift für Slawistik, 1966, XI, S. 601.

²⁵ Иордан также упоминает неких «хунугуров», ведущих торговлю мехами грызунов; см.: Jordan/ Ed. T. Mommsen. — MGH AA V, p. 88.59: «Hunnuguri autem hinc sunt noti, quia ab ipsis pellum murinarium venit commercium. . .».

²⁶ Diller A. Geographical Treatise. . . , p. 448.

²⁷ Медведев И. П. Византийский гуманизм. . . , с. 45.

²⁸ Успенский Ф. Брак царя Ивана Васильевича III с Софией Палеолог. — Исторический вестник, 1887, 12, с. 691.

²⁹ Regel W. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli, 1891, p. XLI.

ским; активный поборник унии церквей, подписавший акт Флорентийского собора, он конец своей жизни провел в Италии. «Cardinalis Ruthenus», как его называли современники, был другом и единомышленником Виссариона³⁰. Еще до избрания на кафедру митрополита Киевского и всея России он вел переписку с кружком гуманистов в Риме, который возглавлял Виссарион³¹.

Будучи человеком весьма образованным, а также по долгу службы, Исидор мог интересоваться географическими контурами своей митрополии, тем более что в XV в. в России уже имелся обширный материал, накопившийся при регистрации землевладения в ходе ликвидации феодальной раздробленности и вызвавший необходимость составления чертежей. Если для начала XVI в. есть веские доказательства существования рукописных чертежей географического характера, то начало развития русской картографии можно отнести, видимо, к XV в.³²

Исследования последних десятилетий по истории русской географии и картографии показывают, что в XV—начале XVI в. в Московском государстве быстро накапливался обильный и многообразный географический материал³³. На развитие русской картографии большое влияние оказали итальянские традиции. Это выражалось прежде всего в ориентации географических чертежей к югу, т. е. Каспийское и Черное моря находились у верхней кромки карты, а Ледовитый океан — внизу, в то время как карты Московии западного происхождения (в частности, карта Мартина Вальдзеемюллера) были ориентированы к северу³⁴. Ориентировка к югу была заимствована итальянцами, в свою очередь, из старой арабской картографии (арабский географ Идриси работал в Палермо в 1154 г.). Все это свидетельствует о наличии систематических и достаточно широких культурно-дипломатических связей России с Италией, что подтверждают и итальянские источники XV в. Характерно, что первый документ, имеющий отношение к русско-итальянским связям, представляет собой описание границ Русского государства, изготовленное по заказу основателя новой династии Милана Франческо Сфорца³⁵.

В своем исследовании Б. А. Рыбаков отметил особенность знаменитой карты итальянца Фра Мауро, дающей подробное изображение всего Старого Света, но мало изученной в своей русской части. Анализ этой карты показывает, что территория Восточной Европы составлена из десятка отдельных фрагментов разного масштаба (по причине отсутствия градусной и масштабной сети) и разной степени достоверности. На севере пределом знания Фра Мауро — так же как и у Плифона — была Пермь. Надписи «Permia» размещены в трех местах поблизости от Ледовитого океана. По всей вероятности, автор имел три разных источника о местоположении Перми, в результате чего на карте образовались три речные системы, напоминающие Северную Двину с ее истоками и три залива океана, могущих быть принятыми за Белое море. Надпись «Permia» в каждом случае точно соответствует географическому положению Пермской земли по отношению к Белому морю и Северной Двине. При этом географическая система карты Фра Мауро более точна, чем карта того же Вальдзеемюллера, появившаяся полвека спустя³⁶.

Карта Фра Мауро была изготовлена в 1459 г., через 20 лет после

³⁰ *Kresten O.* Eine Sammlung von Konzilsakten aus dem Besitze des Kardinals Isidor von Kiev. Wien, 1976, S. 109.

³¹ *Regel W.* Op. cit., p. XLIII.

³² *Лебедев Д. М.* Указ. соч., с. 200.

³³ *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974, с. 8.

³⁴ Там же, с. 16.

³⁵ *Рутенбурга В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в X—XV в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 457.

³⁶ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 17.

пребывания Плифона во Флоренции, когда Тосканелли мог познакомить его с итальянскими источниками, содержащими какие-то сведения о России. Не исключено, что те же источники имел перед собой и Фра Мауро.

Этот отрывок из трактата Плифона позволяет не только датировать его периодом после Флорентийского собора 1439 г., но и проследить отношения и обмен информацией между крупнейшими учеными этого интересного периода в истории географии. Несмотря на то, что Плифон даже раньше времени покинул собор, чтобы не быть свидетелем триумфа своих противников, это не помешало ему завязать полезные для себя связи с итальянскими учеными и участниками собора³⁷. Поездка во Флоренцию побудила его подготовить несколько выдержек из Страбона в надежде убедить своих друзей в Италии, что географическая система последнего неизвестна в латинском мире и во многих отношениях выше птолемеевской³⁸. Плифону действительно принадлежит особая заслуга в распространении страбоновского сочинения на Западе. Во время своей поездки он мог наблюдать, что западные гуманисты, хорошо знавшие и почитавшие Птолемея, были совершенно незнакомы с «Географией» Страбона. Это и понятно, если вспомнить, что сочинение Птолемея было переведено на латинский язык уже в 1406 г., перевод же Страбона был сделан лишь в 1458 г. Якопо д'Анджело. Таким образом, интерес к Страбону среди западных ученых, засвидетельствованный целым рядом рукописей, датированных не ранее XV в., нельзя отделить от трудов Плифона. Более того, некоторые рукописи имеют особенности текста, существующие только в рукописях Плифона³⁹.

В последних четырех главах трактата, где Плифон описывает восточные границы ойкумены, он не сообщает ничего нового. Это не что иное, как исправление Страбона Птолемеем. Плифон еще незнаком ни с путешествиями Марко Поло, ни с плаваниями португальцев вокруг Африканского континента, которые стали известны в Италии лишь несколько десятилетий спустя. Любопытно, что современник Плифона Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II) в своей «*Historia rerum ubique gestarum locorumque descriptio*» также не упоминает путешествия Марко Поло, несмотря на то что папская библиотека приобрела описание этого путешествия еще до понтификата Пия II (1458—1464)⁴⁰.

Таким образом, трактат Плифона отражает уровень географических знаний образованных кругов византийского общества накануне великих географических открытий. Обзор обитаемого мира, «*imago mundi*», — вот что находилось в центре интересов Плифона. Поэтому его трактат лишен обилия деталей, как, к примеру, географическое сочинение его ученика Лаоника Халкокондила; нет в нем и традиционного для его византийских современников подражания античному образцу, когда вместо современных географических названий употреблялись архаизмы, часто неоднозначные по их внутреннему содержанию⁴¹.

Мир в представлении византийского философа — это мир без Америки, хотя плифоновские занятия Страбоном и тот интерес, который он вызвал в западном мире, во многом подготовили идею о возможности кругосветного плавания. Колумб, состоявший в переписке с Тосканелли, неоднократно цитирует Страбона в поддержку мнения о возможности существо-

³⁷ Masai Fr. Plethon et le platonisme de Mistra. P., 1956, p. 319.

³⁸ Anastos M. V. Pletho and Strabo en the habitability or torrid Zone. — BZ, 1951, 44, S. 7.

³⁹ Anastos M. V. Pletho, Strabo, Columbus. — Annuaire de l'Institut de philologie et d'Histoire orientales et Slaves, 1953, XII, p. 10.

⁴⁰ Anastos M. V. Pletho, Strabo, Columbus. . . , p. 4.

⁴¹ Ср., например: Ditten H. Zur Bedeutung von *Εὐρώπη* und *Θράκη* in spätbyzantinischen Geschichtschreibung. — Actes du I Congrès International des études balkaniques et sud-est-européennes. Sofia, 1968, VI, p. 497.

вания неизвестных обитаемых земель, о том, что море, которое следует переплыть, не так велико и не исключена возможность достичь Востока, направляясь прямо на Запад (*Страбон*, 1.4.6; 2.3.6)⁴².

Достоинства Плифона как географа и критика можно оценить вполне лишь с точки зрения современной ему географии. Достаточно сравнить его географический кругозор с картами Вальшпергера или Фра Мауро, игнорирующими долготы, широты, сферическую форму Земли, чтобы убедиться в достоинствах византийского географа, опиравшегося на традиции классической науки.

Ниже мы приводим перевод второй главы трактата Плифона.

ИСПРАВЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ НЕВЕРНЫХ УТВЕРЖДЕНИЙ СТРАБОНА

1. Ошибочно полагает Страбон, что Каспийское море соединяется с океаном. Ведь будучи самостоятельным, оно замкнуто со всех сторон, имея форму, несколько напоминающую щит, а величину немного больше Понта Эвксинского. О нем говорит Аристотель, что не переполняется оно, хотя в него впадает много больших рек. Соединяется оно с Понтом через каналы, проникающие к нему под землей⁴³.

2. Не только об этом неверно судит Страбон, но и о том, что существует некая совершенно необитаемая тропическая зона⁴⁴. Ведь ойкумена охватывает полностью амфиский⁴⁵, за исключением отдельных мест на всем ее протяжении, пустынных по причине отсутствия воды. Равнины этой зоны и даже гетероския⁴⁶, соседнего с ней, крайне мало орошаются дождем, в то время как горы орошаются весьма обильно. Поэтому горы обитаемы, а равнины, по причине безводности, нет, если не протекают там реки, как в Египте. Таким образом, весь амфиский, как мы сказали, обитаем: одна Эфиопия простирается по ту сторону Египта к горе, называемой Лунной⁴⁷, от которой наполняется Нил, — гора эта значительно южнее экватора, ведь Нил, пожалуй, не переполняется, когда у нас лето, если там не наступила в это время зима⁴⁸; и даже южнее этой горы, говорят, есть другая Эфиопия, земля эфиопов⁴⁹, называемая Агисимвой⁵⁰ и расположенная как раз у другого конца этой зоны. Кроме того, часть

⁴² *Anastos M. V. Pletho, Strabo, Columbus...*, p. 15.

⁴³ Здесь Плифон ссылается на «Метеорологику» Аристотеля (I.13), где мы можем прочитать: «У подножия Кавказа находится озеро, которое местные жители называют морем. Хотя в него впадает много больших рек, оно не имеет никакого видимого стока и выходит из-под земли в стране кораксов, у так называемых Глубин Понта» (*Аристотель*. Соч.: В 4-х т. М., 1981, т. 3, с. 470). Авторы нового комментария указывают, что речь идет не о Каспийском море, как думают некоторые исследователи, а о каком-то большом пресном озере, возможно озере Ван, с чем трудно согласиться. Как известно, в Ван не впадает «много больших рек» и расположено оно далеко не «у подножия Кавказа», а скорее в центре хребта. Аристотель здесь излагает, по всей вероятности, свою точку зрения на популярную в античной географии дискуссию о слиянии Каспийского моря с океаном. Сама ссылка Плифона на «Метеорологику» свидетельствует о том, что и он понимал под упомянутым озером Каспийское море.

⁴⁴ *Страбон*, II, 118.

⁴⁵ Амфиский — жаркий пояс, где тень в полдень одну половину года падает на север, а другую — на юг; см.: *Страбон*, II, 2, 3.

⁴⁶ Гетероский — умеренный пояс, где тени в полдень падают в противоположном направлении: в северном поясе — на север, в южном — на юг.

⁴⁷ Упоминание о Лунной горе впервые встречается у Птолемея.

⁴⁸ Необъяснимое для древних географов явление регулярных разливов Нила летом, в период особенно сильной жары, послужило поводом для самых причудливых толкований. До Птолемея не могли объяснить причин разливов в связи с неточными представлениями о верхнем течении Голубого Нила.

⁴⁹ Эфиопами называли многие народы, населявшие экваториальные и южные области Африки.

⁵⁰ Агисимва также впервые упоминается у Птолемея.

острова Гапробаны, говорят, также южнее экватора. Таким образом, ни одна часть этой зоны не безлюдна совершенно.

3. Неверно и искусно у Страбона также и то, что меридианы он представляет параллельными друг другу: во-первых, они совпадают по обеим сторонам (экватора), во-вторых, по мере присоединения к ним параллелей всякий раз линии, идущие по направлению полюсов, оказываются короче идущих по направлению к экватору, так что и хламидообразная форма, которой он желает уподобить нашу ойкумену, гораздо больше соответствует этому, чем тому, что он пытается показать, так как параллель, идущая вдоль холодной зоны, гораздо короче параллели, идущей вдоль экватора; поэтому форма, образуемая этими параллелями и самым восточным и самым западным из меридианов, оказывается в какой-то мере хламидообразной.

4. Это — самые большие его ошибки, другие — меньше этих, и прежде всего то, что он, следуя другим, отделяет Ливию⁵¹ от Азии не Аравийским заливом, а Нилом, в то время как повсюду, куда ни посмотри, есть гораздо лучшие границы, чем море или река.

5. Далее он использует параллель, идущую через Иерну⁵² к холодной зоне, как границу, в то время как сама Туле⁵³ находится еще севернее и этой ойкумены. Ведь показал нам Павел Флорентиец, человек достойный во многих отношениях, карту, которую, как он сказал, получил от человека из датчан (а людей таких немного), где помещена сама Иерна, и другой, бóльший остров британцев, и Туле, и полуостров Кимврика, и Германика, и вся приморская Венедика. К востоку от этого полуострова Кимврики, уже в Венедском заливе, расположен сам остров Датия⁵⁴, могущий соперничать по величине с самым большим из британских, отделяемый от противоположного материка на севере узким длинным проливом. Северную часть этого острова, прилегающую к проливу, он объявил необитаемой, так же как и противолежащий материк, остальное — обитаемым. Расположенный же к северу от него материк, являясь необитаемым, изгибаясь глубоко на запад в этом проливе в зоне, значительную часть года покрытой тенью⁵⁵, и затем, располагаясь одновременно к югу и западу, своей оконечностью выступает с одной стороны по меридиану, проходящему через Иерну, а с другой — по параллели, проходящей через Туле⁵⁶.

6. Узнали мы от многих, рассказывавших о нынешней России, в древности называемой Сарматией, что к северу от этой земли есть и другой залив, простирающийся как будто бы от Гиперборейского океана через холодную зону и доходящий до Венедского залива, где заливы отстоят друг от друга на самом большом расстоянии, в шести днях пути⁵⁷. Залив этот местными жителями называется Холодным морем, и водятся в нем рыбы земноводные, имеющие большие белые клыки, возая которые в землю, когда выходят на сушу, и подтягиваясь к которым, они передвигаются. В этот залив впадает и большая река Тивин⁵⁸, по линии кото-

⁵¹ Ливией античные географы называли Африканский континент.

⁵² Иерна — Ирландия.

⁵³ Туле — остров, крайний северный предел известного античным географам мира. До него дошел в IV в. н. э. Пифей. Остров стал синонимом выражения «крайний север». Местонахождение его до сих пор вызывает споры. Большинство исследователей склоняются к мнению Ф. Нансена, считавшего Туле западным побережьем Норвегии. Дж. Томсон полагает, что Туле — результат смутных слухов об Исландии; см. Томсон Дж. Указ. соч., с. 218.

⁵⁴ Остров Датия у Плифона — Скандинавский полуостров.

⁵⁵ Вероятно, речь здесь идет о явлении полярной ночи, которую Клавдий Клав, источник Плифона, мог наблюдать в северных широтах.

⁵⁶ Мыс на меридиане Иерны параллельно Туле — Гренландия.

⁵⁷ Возможно, что Плифон имеет в виду расстояние между Белым морем и Финским заливом.

⁵⁸ Тивин — Северная Двина.

рой, от ее истоков к истокам Танаиса ⁵⁹, по всей вероятности, и проходит граница Европы и Азии, так же как и все остальное имеет своей границей реки или море. Живет вокруг этого залива, там, где он пригоден для жилья, бедный народ, называемый пермиями и промысляющий только охотой. Здесь же, восточнее и немного южнее, как мы узнали, есть и другие бедные народы: с одной стороны — так называемые мордивы, с другой — месторы, которые кормятся рыбой, многочисленной в озерах, вокруг которых они обитают и из которых река Рас ⁶⁰, впадающая в Каспийское море, течет на восток по отношению к своим истокам. И они, конечно, самые северные народы, живущие в холодной зоне, севернее не только Иерны, но даже Туле.

7. Не только о восточных странах неверно говорит он, что индийцы и скифы — крайние в ойкумене и распространяются до некоего восточного океана. Не крайние они на востоке, а есть еще восточнее их серы и синны ⁶¹, оба — большие народы, имеющие и земли немалые. Однако восточный океан до сих пор никем не описан. Море у индийцев расположено с южной стороны и нигде не обращено к востоку, как рассказывают о нем, а больше к западу. Каттигара ⁶² же, гавань синов, является краем познанного побережья этого восточного моря и находится западнее, будучи намного южнее экватора и Тин, приморской митрополии синов, в свою очередь расположенной намного севернее экватора. Необходимо было бы сказать и о восточном океане, ибо другой конец западного по отношению к нам океана на востоке обращен к синам и к серам, но до сих пор о нем ничего не известно. Клавдий Птолемей говорил ⁶³, что он сам узнал от приехавших из Индии, что восточнее земли синов и серов есть озера и болота, в которых произрастает большой тростник. Болота эти простираются по всей ширине ойкумены на невероятные расстояния, и, определенно, там, куда не достигают эти болота, в океане и какой-то морской пучине, — конец ойкумены, с другой стороны холодной зоны. Либо за этими болотами, либо даже за какой-то другой землей начинается океан, до которого, определенно, достигают жилища людей, насколько не препятствуют этому болота. Но, как мы сказали, нам до сих пор ничего не известно о восточном океане.

8. Море, называемое Индийским и Эритрейским ⁶⁴, с восточной стороны известно вплоть до Каттигары, с западной — до мыса Прас, который находится у Агисимвы, земли эфиопов. Вся же южная часть этого моря не очень известна, так что об этом море расходятся во мнениях — существует ли оно само в себе, подобно Каспийскому, или соединяется с океаном, а если соединяется, то на востоке и юге, за Каттигарой, или на юге и западе, за мысом Прас.

9. Если же нам следует сказать о пределах познанной ойкумены точнее, чем Страбон, то на юге крайней описывается Агисимва, страна эфиопов, на востоке живут синны и серы — синны южнее серов, серы же — севернее синов. Но все это будет, пожалуй, пределами не всей ойкумены, а лишь известной нам части — ведь мы совсем не знаем, живут ли люди дальше этих мест или нет, ибо это уже за пределами ойкумены вообще. На севере же крайняя земля — Пермия и остров Датия, севернее которых жилых мест больше уж нет. На западе, как и у самого Страбона, Гие-

⁵⁹ Танаис — традиционное название Дона. Плифон впервые связывает границу Европы и Азии, проходящую по Танаису, с Холодным (Белым) морем. У Птолемея эта граница тянется на север в неизвестном направлении (карты VIII, XVI).

⁶⁰ В отличие от Птолемея (V, 8, 7), у которого река Рас (Волга) начинается с гор, Плифон возводит ее начало к озерам.

⁶¹ Серы и синны — название народов северного и южного Китая.

⁶² Каттигара, по всей вероятности, — Кантон, совр. Гуанчжоу.

⁶³ Птолемей. География, I, 17, 4.

⁶⁴ Эритрейским называли как Индийский океан, так и Красное море.

⁶⁵ Гиерон — священная гора в Пропонтиде.

рон ⁶⁵, мыс Иверии, самый западный. Острова Блаженных ⁶⁶ — из-за отсутствия сношений и у нас с ними, и у них с нами, пожалуй, не являются частью нашей ойкумены. Мыс Гиерон и есть своего рода столп самого западного предела нашей ойкумены. Ведь столпы вокруг Пролива ⁶⁷, не представляющиеся рукотворными, равно как и горы, прилегающие к нему (и Колпа в Европе, и Авила в Ливии), считаются и большинством авторов столпами. Они же являются, пожалуй, пределами и нашего внутреннего моря. Мыс же Гиерон — конец всей ойкумены и нашей ее части, расположенной к северу от экватора. Что же касается антихтона, то, даже если он и связан с ойкуменой, мы не знаем, где размещается большая часть его, за исключением известных нам небольших частей внутри зоны амфиския.

10. Таковы достойные упоминания положения, ошибочно высказанные Страбоном в этом руководстве по географии ⁶⁸, здесь же и исправления их, которые мне выпало сделать. Если же у него и другое говорится верно, то ошибки эти, пожалуй, невелики. По большей части у него сказано ясно и хорошо.

⁶⁶ Эти острова, расположенные на западе Океана, являлись посмертным убежищем любимцев богов; см.: *Страбон*, I, 3, 3; *Птолемей*, I, 12.

⁶⁷ В тексте *Πορθμός* — так Плифон называет Гибралтарский пролив.

⁶⁸ Колпа и Авила — Геракловы столпы, поставленные им, по преданию, как мета конца мира.